

Б. ЭЙХЕНБАУМ

«Москва» Андрея Белого

Часть I — «Московский чудак». Часть II — «Москва под ударом». М., «Круг», 1926

На 28-й странице «Московского чудака» (первой части первого тома) дочь говорит матери: «Маман, говорите по-русски, а то простыни превращаются в *анвелопы* у вас».

Я уверен, так называемый читатель, дойдя до этих слов, самодовольно закроет книгу и, язвительно улыбнувшись, повторит ехидно: «Да-с, мосье, *анвелопы* у вас! Читайте сами».

А потом библиотекари, подсчитав по анкетам и требовательным листкам, признаться должны будут, хоть и смущенно: «“Москва” А. Белого не читается».

Да и как же иначе? Прочитать «Москву» А. Белого — огромный труд, головоломнейшая задача. Зачем же читателю мучить себя? Зачем ему немногие часы, остающиеся от государственной службы, отравлять такой тяжелой и бесполезной (бесплатной то есть) сверхурочной работой? Ведь не читает же он на сон грядущий (если не математик) дифференциальное исчисление? И какой же вывод отсюда? А никакого — кроме того, что дифференциальное исчисление нужно для математики, а математика нужна не менее бухгалтерии, хотя бухгалтеры ею и не увлекаются.

Почему же, наконец, не сказать: есть литература для читателя и есть литература для литературы? История потом переставляет все по-своему — это ее дело; я говорю о сегодняшнем. «Социальный заказ» может быть и *внутри* литературы — и с читательским или «даже государственным» может он не совпасть. В литературе, если она дело живое, творческое (а это ведь, кажется, так?), должны быть свои открытия и свои эксперименты, неожиданные и не для всех сразу понятные. Надо отличать этот заказ от моды, от «потрафления»: литературу от «Ленинградодежды».

Да, весь роман А. Белого написан словесными «анвелопами».

«Ропотень креп: кто-то крышу ломал; и — бамбанила: вывни ветров! Улыбнулося небо к закату: простором лазоревым; туча разинулась солнышком; день стал сиянским денечком: на миг искроигрием ледени бросились в нос все предметы... И дождь, Сверкунчишко Терентьевич, затеньтеренькал по крыше; и стал переулочек не Табачихинским, а Сверкунчихинским; Камень Петрович стал Камнем Перловичем; камни и крыши испрыскались дождичком. Забирюзовились воздухи».

Где же читателю добраться сквозь эти «анвелопы» до фабулы? Он и до смысла слов не доберется. У кинорежиссеров есть хороший термин, магически уничтожающий всякий оригинальный замысел: *не дойдет*. Что было бы, если бы этим принципом жило искусство? Оно действительно так и не *дошло* бы до нас, как не доходят многие фильмы.

А если он, минувя все «анвелопы» (добираясь до содержания), и доберется наконец до фабулы, то что же его ожидает? Банальная схема уголовного романа — профессор, документы, шпион-негодяй. Не стоило трудиться.

Ну и что же?

А то, что, конечно, роман А. Белого — событие огромной литературной важности, которое можно приравнять только к какому-нибудь научному открытию. Здесь А. Белый не только эволюционирует, развивая свои прежние принципы, но и смело вступает на путь, намеченный удивительной прозой Хлебникова. Это уже не просто «орнаментальная проза» — это совершенно особый словесный план, это своего рода выход за пределы словесных тональностей: нечто по основным принципам аналогичное новой музыке. Уже нет «описания» как такового (с разделением на «слово» и «предмет»), как нет и «повествования». Вы оказываетесь в совершенно своеобразной, чисто словесной атмосфере, которая кажется неразложимой. Откровенно метризованная (даже в диалоге!), проза эта, насыщенная новообразованиями и всевозможной словесной игрой, кажется абсолютно в себе замкнутой — абсолютным словом.

Роман А. Белого обращен к литературе — и этим он сразу страшно повышает наш сегодняшний уровень. Пусть читатель с негодованием отбросит эту книгу — он будет прав, но литературе этого жеста бояться нечего. Я согласен на дискуссию: нужно ли писать только такие вещи, которые нравятся «читателям»? Иначе говоря: можно ли понимать «социальный заказ» как заказ «читательский»? Или у литературы, как и у всякого другого искусства, есть свои исторические заказы, которые до читателя «но доходят» и не могут «дойти»? Еще иначе говоря: анкета или история?

